

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	8
ОСЕТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА	23
Общая характеристика	23
Коста Хетагуров	32
Гайто Газданов	42
Гриш Бицоев	53
Алан Черчесов	62
Современный этап	81
АДЫГСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ	83
Общая характеристика	83
Тембот Керашев	91
Абдулах Охтов	98
Алим Кешоков	129
Исхак Машбаш	151
Современный этап	162
АБАЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА	167
Общая характеристика	167
Микаэль Чикатуев	177
Керим Мхце	190
Современный этап	204
КАРАЧАЕВСКАЯ И БАЛКАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРЫ	207
Общая характеристика	207
Хасан Аппаев	231
Кайсын Кулиев	239
Халимат Байрамукова	259
Назир Хубиев	276
Мусса Батчаев	288
Современный этап	299

НОГАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	302
Общая характеристика.....	302
Суюн Капаев.....	309
Иса Капаев.....	316
Кадрия Темирбулатова.....	325
Современный этап	336
ЧЕЧЕНСКАЯ И ИНГУШСКАЯ ЛИТЕРАТУРЫ	340
Общая характеристика.....	340
Ахмет Боков.....	356
Муса Ахмадов	363
Канта Ибрагимов.....	378
Современный этап	413
ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА.....	424
Общая характеристика.....	424
Эффенди Капиев	455
Расул Гамзатов.....	470
Ахмедхан Абу-Бакар	483
Магомед-Расул.....	495
Современный этап	505
ЛИТЕРАТУРА	511

ПРЕДИСЛОВИЕ

Северный Кавказ — сказочная горная страна — издавна привлекала к себе художников слова. Кавказские страницы А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого известны каждому россиянину. Но это не только край великолепной природы, отважных воинов и самоотверженных тружеников. Это еще и страна поэзии, множества литератур, влившихся в красочную мозаику мировой художественной культуры. Их краткой характеристике и посвящено данное учебное пособие, впервые пришедшее к читателю еще в 2004 г. Оно кратко знакомит с литературной историей региона, с отдельными, наиболее известными писателями. Разумеется, разделы, посвященные отдельным литературам Северного Кавказа, не могут претендовать на полноту. Цель данного учебного курса — дать общее представление о состоянии литературного процесса. Пособие позволит оценить вклад народов Северного Кавказа в культуру нашего полиэтнического Отечества и будет способствовать укреплению в нем мирных добрососедских отношений, ибо ничто так не сближает народы, как приобщение к культуре и искусству друг друга. Художественное слово легче всякого другого позволяет понять инациональный характер, познать историю народа-соседа, пробуждает чувства добрые и прекрасные. Это особенно важно на Северном Кавказе, который нередко был местом межэтнических раздоров, ибо здесь проживает множество народов, принадлежащих к разным этническим группам.

При подготовке данного издания пособие было дополнено произведениями, появившимися или переведенными на русский язык в последние десятилетия. Написана новая глава-персоналия, посвященная творчеству чеченца Канты Ибрагимова; в обзоры включены характеристики исторических романов абазина Кали Джегутанова «Золотой крест» и лачки Мариам Ибрагимовой «Имам Шамиль»; лирика карачаевца Азрета Акбаева. Расширена и заново от-

редактирована глава-персоналия об Абдулахе Охтове; глава о Назире Хубиеве дополнена информацией о новом сборнике поэм и стихотворений «Белокрылые вершины» (2014).

Отмеченное в 2017 г. столетие Октябрьской революции в России актуализировало и воплощение историко-революционной темы в художественной литературе, и самого одноименного жанра. Заметим, что историко-революционный роман — категория, так сказать, «практического» советского литературоведения, отсутствующая в словарях. Сложился даже определенный проблемно-стилевой «стандарт» этой жанровой разновидности. В литературах Северного Кавказа в его основе обязательно лежала уже раскрытая в литературоведении коллизия превращения стихийного героя-одиночки в сознательного революционера-большевика под руководством русского коммуниста. Естественно, что историко-революционный роман, занявший большое место в литературах Северного Кавказа 1950—1980-х годов в наши дни нуждается в переакцентуации. Многие книги, в свое время созданные по идеологическим клише, плакатно-схематичные, получили широкую известность прежде всего благодаря беспримысленной в те годы теме, но лишь некоторые из них поднимались на уровень художественного открытия, художественного познания таких сторон революционной действительности, которые несли в себе возможность их переосмысления, возникновения новых смыслов и новых ассоциаций.

Необходимо исходить из критериев современного прочтения романов историко-революционной проблематики в литературах народов Северного Кавказа, обеспечивающие возможность новой интерпретации произведений А. Охтова, А. Кешокова, А. Бокова и др. Напротив, историко-революционные романы, критериям современного прочтения не отвечавшие, выполненные по идеологическим клише, — а их в литературах Северного Кавказа было великое множество, — не могут быть в наши дни предметом изучения, тем более подробного, в студенческой аудитории. В связи с этим в предлагаемом издании сделаны некоторые сокращения.

Задача автора данного пособия — интерпретировать некоторые наиболее значительные, пережившие свое время историко-

революционные романы этого периода, отвечающие сегодняшнему пониманию и оценкам событий Октябрьской революции и Гражданской войны.

Каждый из разделов, посвященный отдельным национальным литературам, заканчивается рубрикой «Современный этап», в который приводятся отдельные примеры произведений, созданных уже в текущем столетии. Не ставя целью давать в учебном издании обзоры произведений поэзии и прозы, представленных в журнальной и газетной периодике, мы тем не менее подчеркиваем значимость публикаций, рассеянных по страницам журналов «Литературная Кабардино-Балкария», «Вайнах», «Дарьял», «Литературное Ставрополье», «Южная звезда» (Ставрополь), «Голос Кавказа» (Пятигорск), «Абаза» (Москва) и др., которые нуждаются в дальнейшем осмыслении. Это позволит высветить тенденции развития в литературном процессе на Северном Кавказе в первой четверти XXI в.

В предлагаемом читателю учебном пособии постраничные ссылки на выдержки из художественных текстов изначально не предполагались, но в связи с появлением в последнее десятилетие в литературах Северного Кавказа объемных эпических произведений такие ссылки на страницы текста в них теперь сделаны. Несмотря на, казалось бы, недопустимость нарушения единства в подаче материала, это необходимо для облегчения студентам самостоятельной работы.

Изучаемый в вузах курс «Литературы народов Северного Кавказа» готовит будущих учителей, владеющих региональным компонентом школьного курса литературы, а всем выпускникам гуманитариям позволит хорошо ориентироваться в межнациональных отношениях, овладеть речевым этикетом межнационального общения, знать и любить такой своеобразный регион, как Северный Кавказ, в его красочном многообразии и единстве, скрепленном чувством общенационального единства и пониманием исторического предопределения общего пути всех народов России.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Не зря говорится: «Чтобы понять писателя, надо отправиться в его страну». Литературы народов Северного Кавказа нельзя постичь, не зная его истории, поэтому вниманию студентов предлагается краткая справка о жизни региона.

Северный Кавказ — страна древней культуры. Археологические памятники, открытые сравнительно недавно под Майкопом, датируются III—I тысячелетием до новой эры; к эпохе «поздней бронзы» относятся и памятники так называемой кобанской культуры, обнаруженные у с. Кобан в Северной Осетии. С VI в. до н.э. в этом регионе обозначилось греческое присутствие, до сих пор сохранились греческие храмы, известны греческие города, колонии, имевшие активные торговые связи с местным населением.

С VII в. до новой эры на Северном Кавказе началась эпоха скифов. Несколько позже на его территорию пришли племена меотов, древнейших предков адыгов, занимавшиеся земледелием и рыболовством. В III в. до н.э. скифов сменили кочевники сарматы, из которых выделились аланы, или, как их еще называли, ироны, ясы. Они перешли к оседлому скотоводческо-земледельческому образу жизни и, объединившись с местными кавказскими племенами, создали мощное государство Алания (II—I вв. до н.э.) и богатую аланскую культуру. Аланы сыграли большую роль в этнической и политической истории региона и справедливо считаются предками современных горских народов. Остатки аланских городищ находятся не только в Осетии, но и на территории Карачаево-Черкесии, на р. Сунже (Чечня). Алания просуществовала до XIII в. нашей эры, прекратив свое существование под натиском монголо-татар.

В равнинную часть Северного Кавказа в VI в. пришли тюркоязычные кочевые племена — болгары, хазары. С Хазарским каганатом начали борьбу древнерусские князья. Киевский князь Святослав разрушил его столицу Итиль (недалеко от Астрахани) в 965 г. В XI в. из-за Каспия и Поволжья на Северный Кавказ пришли половцы (кипчаки), потеснившие алан в горы и оказавшие

большое влияние на этногенез ногойцев и кумыков — тюркоязычных народов Северного Кавказа.

Постепенно этнический состав региона стабилизировался и принял современные очертания.

Историческая общность народов Северного Кавказа подтверждается их общим культурным достоянием — древнейшим эпосом «Нарты», который занял важнейшее место среди древнейших эпических песен Европы и Азии (гомеровский эпос, древнеисландская «Эдда», «Песнь о Нибелунгах», «Давид Сасунский», «Джангар», «Манас»).

Нартский эпос зародился и сложился в глубокой древности (VIII—VII вв. до н.э.), в доклассовом обществе (он не отразил власти денег, купли-продажи) и, вероятно, изначально он являлся мононациональным, но на протяжении веков переходил и к соседним народам, обрастая новыми эпизодами, персонажами, обретая специфическую национальную окраску принимающей стороны: вводились местные топонимы: названия местностей, гор, рек; фонетической адаптации подвергались имена героев, вследствие чего появились их этноварианты: Сатаней, Сэтэнай-гуащэ, Сэтэни-гуаща, Сэтэнай-бийче, Сатанси, Сатана, Шэтэна; Саусырыко, Сосрыко, Сосрук, Сослан и т.д. По форме произведения нартского эпоса являются песенными, прозаическими и смешанными — песенно-прозаическими.

Нартский эпос привлек внимание исследователей еще в середине XIX века. В 1841 г. в журнале «Русский вестник» известный адыгский этнограф и публицист Хан-Гирей писал о нартском эпосе: «Древние песни и предания о знаменитых воинах, известных под именем нартов, чрезвычайно любопытны. Они любили странствия, поединки, песни, крепкие напитки, обожали женщин». В конце 1860 г. преподаватель Ставропольской гимназии В. Кусиков, знавший адыгейский язык, опубликовал статью «О поэзии черкесов», в которой отмечал как основное ее направление — воплощение в героях идеала мужества и храбрости: «поспорить с ними в этом отношении могут разве только герои “Илиады”». В конце XIX — начале XX в. тексты адыгского эпоса появлялись в печати в записях или под редакцией Л.Г. Лопатинского, А.Н. Дьячкова-Тарасова и др.

Начало научного исследования нартского эпоса было положено профессором Московского университета академиком В.Ф. Миллером, выпустившим в 1882 г. «Осетинские этюды». Начинания Миллера пробудили живой интерес осетинской интеллигенции к фольклору своего народа, и уже в конце XIX в. основные образцы осетинских сказаний о нартах стали известны миру в переводе на русский язык.

После революции работа по сбору, систематизации и изданию нартского эпоса была сосредоточена в научно-исследовательских институтах Северной Осетии, Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. В 1945 г. была опубликована работа профессора В.И. Абаева «Нартовский эпос» — первое обобщающее исследование по осетинскому эпосу, в котором автор выдвинул концепцию алано-осетинского происхождения нартвов. С 1946 по 1966 г. сотрудником Адыгейского НИИ, профессором, академиком Адыгской международной академии наук А.М. Гадагатлем было собрано, систематизировано и подготовлено к печати 705 текстов адыгского нартского эпоса, изданного в семи томах на языке оригинала (1968—1971). В 1974 г. в Москве, в издательстве «Наука», вышел на русском языке однотомник: «Нарты. Адыгский героический эпос». В результате проделанной работы ученый пришел к выводу о том, что по своему происхождению эпос «Нарты» является общекавказским, а его ядро — адыгским. Изучение других вариантов Нартского эпоса — абхазского (абазинского), карачаевско-го — велось учеными Карачаево-Черкесии.

Из зарубежных ученых самым крупным и авторитетным исследователем нартского эпоса явился Жорж Дюмезиль, издавший «Легенды о нартах» (Париж, 1930).

На сегодняшний день нартский эпос народов Северного Кавказа — не только у осетин и адыгов, но и в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Чечне, Ингушетии, а также за пределами Кавказа и нашей страны — собран и изучен.

Нартский эпос — свод песен мифологического и героического содержания о борьбе нартвов (богатырей) с темными силами природы, лесными великанами, с иноплеменными захватчиками. Под-

виги героев, как правило, гиперболизируются. Эпос состоит из циклов легенд и сказаний, группирующихся вокруг основных персонажей, воплотивших идеал народа. Только в одном адыгском эпосе упоминается более 100 имен собственных, основными среди которых являются Сатаней, Сосруко, Батраз, Бадыноко, Ащамез и др. Внутри циклов обычно соблюдается принцип хронологии, последовательно отражающий рождение нарта, его приключения и деяния, смерть. Основу легенд составляют подвиги героев, преодолевающих различные препятствия для достижения цели.

Сатаней является одним из самых ярких образов эпоса. Она умна и дальновидна, а когда появляется на хасе (совете), превосходит мудростью старейших. Нередко ее называют матерью всех нарттов (черта матриархата). Какой бы силой ни обладали нарты, но исход борьбы, как правило, определяют ее советы. Сатаней обладает неувядающей красотой и молодостью.

Одним из центральных мужских образов является **Сосруко**, сын Сатаней, пастух нарттов. Чудесное его рождение — из камня — заставляет вспомнить эпические сказания других народов. Однажды, уходя с реки, Сатаней увидела на камне образ ребенка (семя пастуха, пораженного красотой Сатаней), взяла с собой и, укутав, спрятала. По прошествии 9 месяцев и 5 дней она обратилась к кузнецу Тлепшу, который в течение трех дней и ночей разбивал камень, и когда наконец разбил, из камня выпал огненный младенец. Кузнец, взяв его клещами за колени (по другим вариантам — за бедра), раскалил его над горном, а затем окунул в воду. И эту процедуру закаливания Тлепша проделал семь раз, в результате чего Сосруко оказался неуязвимым ни для меча, ни для стрел. Единственным слабым местом остались колени (бедра), за которые держал его кузнец при закаливании (вспомним ахиллесову пятю). Впоследствии недруги Сосруко, разгадав его слабое место, расправятся с ним.

Подвиги Сосруко — типичного культурного героя — изображены в легендах: «О том, как Сосруко возвратил нартам семена проса», «О том, как Сосруко возвратил нартам огонь», «О том, как Сосруко отменил обычай убивать состарившихся» и т.д. Сосруко добывал огонь, сбив стрелой звезду (или отняв огонь у великана),

он отнял у Еминежа семена проса, а у богов — чудесный напиток сано; Сосруко подвластны морозы и бури. Рядом с Сосруко стоит образ легендарного кузнеца Тлепша, покровителя и других ремесел, воплощающего мастерство трудового народа.

Нартоведы выделяют также тему посещения главным героем эпоса подземного мира, с чем связано несколько сюжетных версий. Когда Сосруко столкнули в пропасть, он оказался в подземном царстве и, убив чудовище, освободил источник воды. Самого его вынес на землю орел. В другом сказании герой, вернувшись из похода и узнав о смерти жены, лег в ее могилу и убил двух змей. Лист во рту одной из них помог ему оживить жену. Признаки загробного мира присутствуют в рассказе о чудесах по пути к родителям жены: черные вороны в глубоком ущелье, отсутствие света у родителей жены ознакомили с ее смертью.

В образе **Бадыноко** (Щэбатыноко) народ сосредоточил мужество всех нартов и выразил свой идеал настоящего героя. Народная фантазия не скупилась на гиперболическое изображение богатыря-всадника: «Пламя из ноздрей коня опаляет траву у дороги, пена с коня раздувается, словно шатер...». Когда Бадыноко едет к нартам, «на одном плече солнце сверкает, на другом — иней садится». Сурово-величавым воином-аскетом со своим мироощущением, несущим в себе эпический дух эпохи, предстает Бадыноко в эпосе. В песнях и легендах о нем подчеркивается, что титан в своих действиях чрезвычайно скромен, честен, благороден». Его призвание — служить чести. На хасе нартов Бадыноко показывает себя не только как настоящий воин, но и как непревзойденный танцор: вонзив меч рукояткой в землю, он танцует на носках на кончике его острия!

Рождение героя **Батраза** в осетинской версии напоминает нам рождение Афины из головы Зевса: он выношен собственным отцом Хамыцем. Что Батраз вырастет истинным богатырем, было видно еще в колыбели: «Потянувшись — два изголовья выломал, поднявшись — две лямки порвал, повернувшись — два ребра колыбели отвалил».

В нартском эпосе есть мифы, сходные с мифами о Прометее. Еще в 1846 г. Хан-Гирей в статье «Мифология черкесских наро-

дов» приводил сходный сюжет: «Предание повествует, что на вершине снежного Эльбруса за какие-то грехи прикован один великан. Когда он пробуждается от оцепенения, то спрашивает у своих стражей: “Растет ли еще на земле камыш и родятся ли ягнята?” Безжалостные стражи отвечают: “Камыш растет и ягнята родятся”. От такого ответа великан приходит в бешенство, рвет свои оковы, и тогда земля дрожит от его движений, цепи блещут молниями и грохочут громами; его тяжелое дыхание — порывы урагана, стоны — подземный гул, бурная река, вырывающаяся из подножия Эльбруса, — его слезы».

Нартский эпос является правдивым зеркалом народной жизни. Даже наиболее насыщенные фантастикой произведения героического эпоса отражают определенный этап в развитии родовой общины. Сказочная Хаса, как писал еще Шора Ногмов, есть не что иное, как «общий древний обычай», по которому в важных случаях «единоплеменные сходились для совещаний <...> С общего согласия предпринимали военные походы, избирали вождей». Со сказочной фантастикой нередко соседствует бытовое правдоподобие, но точность топонимики на деле оказывается мнимой. Так, сообщаемые фольклором сведения о том, что при впадении Теберды в Кубань стоял замок, где жил нарт Гиляхсыртан Злоязычный, и неподалеку находится камень Сосруко со следами копыт его коня, дает пример того, как самые фантастические образы и события могут быть прикреплены к определенному, вполне реальному месту. В карачаевской версии сказания об Ачемеze местом действия названо вполне реальное Хумаринское укрепление, но, разумеется, это совсем не говорит о документальности произведения, бытующего у многих народов. Это всего лишь позднейшая его «привязка» к месту, хорошо знакомому слушателям. Правда жизни нартских сказаний в другом: они бытуют и по сей день и составили основу культур многих северокавказских народов. Нартский эпос отразил и такие особенности социальной жизни северокавказских горцев, как обуздание зоологических инстинктов, поддержание порядка внутри рода, племени, народа; аталычество как укрепление связей между родами; братство людей, соседство, гостеприим-

ство. Как говорил Кайсын Кулиев: «все необходимое для человека в его жизни было открыто, найдено и сделано нартами».

У каждого из северокавказских народов была богатая мифология. Верховным божеством считался бог неба: Тейри — у карачаевцев, Тха — у адыгов и т.д. Важнейшими в представлениях кавказских племен были культы солнца и неба: многочисленные спиральки и концентрические круги литых украшений, многочисленные подвески, найденные при раскопках, можно считать солярными знаками, обладавшими, по поверью, магическими свойствами. Народные верования несут отпечаток определенных географических и исторических условий. Так, природа Кавказа с его могучими скалами, бурными горными реками, глубокими ущельями, безусловно, способствовала созданию весьма своеобразной мифологии. «Прислушайтесь к сказаниям карачаевцев, — писал Умар Алиев, — и вы увидите в них одухотворение горных, устрашающих воображение человека явлений, метелей, снежных обвалов, бури, грома и молнии, наводнений. Мы находим до сих пор у карачаевцев почитание камней или священную тысячелетнюю сосну “Джангыз терек” на берегу р. Хурзук».

Фантазия людей, в которой причудливо переплетались языческие верования, определялась, хотя и опосредствованно, производственной деятельностью. По свидетельству Султана Хан-Гирея, черкесы имели в домах истукана, изображающего бога плодородия Созерешь, которому приносили благодарность: «Благодарим тебя, Созерешь, за урожай нынешнего лета, молим тебя даровать и в будущие годы обильную жатву. Молим тебя, Созерешь, охранять наш хлеб от кражи, наш амбар от пожара». Предки абазин и абхазов обращались с аналогичной просьбой к Дзадже — покровительнице полей, которую изображали дородной коренастой женщиной низкого роста и крепкого сложения: «Великая Дзаджа! Все, что от нас требовалось, мы исполнили, и принесли установленную жертву, а потому смиренно просим тебя: смилуйся над нами и дай нам хороший урожай и на нивы, и на огороды... Засвети нам солнцем, полей нам дождем». Абазины во время засухи обращались к Хапдзигваща с просьбой послать дождь на их поля. Покровителю наездничества

черкесы после набега уделяли лучшую часть добычи. Так особенности быта определяли этническую особенность верований.

Человеку понятнее всего были общинно-родовые отношения, и он переносил их на окружающую природу. Но это было не грубое, простое повторение земных отношений, а особое образное мышление, в процессе которого возникла возможность отлета фантазии от действительности. Так возникло представление о духах гор, рек, озер. По верованиям черкесов, покровительницей вод была прекрасная дева Псахокоашь (Хепегуашь). У предков абазин и абхазов были морские божества Ач-ных и Эт-ных, которых представляли в виде морского быка или тумана; известны также абазинские сказания о женщинах-великаншах. По преданиям ногайцев, в лесах водятся албаслы — женщины громадного роста, обросшие шерстью, которые, встретив человека, могут зачекотать его до смерти; джины, характерными признаками которых было отсутствие суставов в пальцах и перепонки в носу. Верили ногайцы и в водяного духа (сувдынь еси). Таким образом, силы природы в мифологии выступают очеловеченными, персонифицированными.

Отождествляя себя с миром природы, древний человек ощущал свою нераздельность с животным миром; стремление обобщить свой род приводило к конкретному зримому образу прародителя, которым в тогдашних условиях был зверь-тотем. (Во втором тысячелетии до н.э. у племен Северного Кавказа особенным почитанием пользовались олени, бараны, змеи, изображения которых встречались довольно часто.) Сила и могущество животного мира вызывали представление о каком-то сверхъестественном покровителе животных, с которым надо было считаться охотнику. Так появились Апсаты у карачаевцев, Мезитха у черкесов, принимающие, по мнению древних, вид особо почитаемого животного — козла или оленя. В записках черкесского просветителя Султана Хан-Гирея отмечается даже, что Мезитха представляли верхом на золотошетиистой свинье.

После архаических образов тотемических предков — полулюдей-полузверей — следует назвать так называемых «культурных героев» — героев нартского эпоса, о котором уже шла речь выше. Сказочная фантастика кавказского фольклора является об-

разным средством выражения стремления народа облегчить свой труд, является воплощением его мечты о лучшем будущем. Отсюда и проистекает богатство сказочной символики. Мечта об изобилии породила образ волшебной свирели Ачемеца, от звучания которой «нивы тучнеют, луга пестреют» (переливаются все в цвету), желание покорить пространство — образ легендарного Сосруко, который за один раз пересекал семь горных цепей, семьсот рек, переплывал три малых моря и семь больших морей.

Языческие верования дали содержание одному из древнейших видов устной поэзии — обрядовым песням. Наперед разыгрывая действие с желаемым результатом или принося жертву, люди стремились обеспечить успех задуманному делу — будь то сельскохозяйственные работы, охота или событие в семейной жизни. Песни, исполнявшиеся во время обряда, приобретали магический смысл. Это говорит о том, что древние люди понимали великое значение человеческой речи, приписывали ей чудодейственную силу, способную уберечь от опасности и принести счастье. Черкесские «хохи», карачаевские «алгышы», обращенные к верховному божеству, имели силу заклятья:

Тха единый, Тха великий!..

Пусть *будет* долей почтенного старика-тамады жирная мягкая часть быка рыжего.

Или:

Тейри *пусть* от несчастья избавит,

Тейри *пусть* счастье нам даст,

Тейри *пусть* даст дорогу счастливую.

В ногайских преданиях такой магической силой обладало слово «былтыргы» (прошлогодний): если человек, повстречавшийся в лесу с албаслы, скажет несколько раз «былтыргы», то чудовище не сможет нанести ему вред. Магической силой обладали также проклятья. Героиня нартского эпоса Малепчих, оплакивая любимого, заклинает деревья, воду, шиповник и, наконец, весьма своеобразно проклинает своих врагов: «Чтоб стоящие не сели! Чтоб сидящие не встали...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru